

АНЮТА ВАСИЛЬЕВА

ПОЛЮБИТЬ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В19

Васильева А.

В19 Полюбить с закрытыми глазами / А. Васильева. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 234 с.

После победы во всероссийском конкурсе меня перевели из провинциального городка в столичный вуз.

Мои новые одноклассники, желая повеселиться по полной, отправили меня на «растерзание» самому наглому и бесцеремонному парню университета. Но все пошло не так, как они планировали. Я в его лице обрела не просто друга, а настоящую родственную душу. Однако вскоре все разрушилось в одно мгновение, из-за банального недоразумения и нежелания просто поговорить со мной и всё выяснить. И он, будучи уверенным, что я причастна к проблемам их бизнеса, отдал меня в лапы своего старшего брата, после встречи с которым мне заново пришлось учиться жить.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90268-2

© Васильева А., 2023
© Эстай Х., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

I ГЛАВА

— Ма-ам. Да не переживай ты так. Всё будет хорошо!

Мама ничего не отвечает, только ещё больше хмурится.

— Мам, ну мне нужно было отказаться? — говорю немного с обидой в голосе. — Ты же не можешь не понимать, какой это шанс для меня!

— Могла бы и посоветоваться, — с нервозностью в голосе парирует она.

— Там всё решалось в последний момент, — нагло вру. Не люблю врать маме, и сейчас сгрызаю себя за это. — Мне крупно повезло, что Мирошнеченко не было на месте. Если бы ректор присутствовал, он бы продвинул одного из своих любимчиков. Либо сына губернатора, либо Дашеньку свою любимую. И никто бы даже не посмотрел, что они ни разу сессию самостоятельно не сдали. Везде за них Пётр Степанович просит.

— Ну за них как раз понятно, почему просят. Сын губернатора, это же дополнительное финансирование, а вот Дарья, — сделав акцент на имени моей одноклассницы, мама кривит губы в брезгливой ухмылке.

— Эта девица никем не брезгует: ни старым, ни малым. А вот ты каким боком-то? — родительница смотрит исподлобья с подозрением.

— У меня высший балл на прошедшей олимпиаде, между прочим, — и снова говорю с обидой в голосе. — И не ректор меня выдвинул, ты же знаешь!

— И что теперь? Мм? По математике тебе равных нет, не спорю, а остальные предметы?

Ничего не отвечаю, потому как нечего! По остальным предметам у меня тоже неплохо. Я бы сказала даже очень неплохо!

Но мама отказывается понимать, почему иногда случаются четверки, и что я не чёртов гений, в конце концов, и у меня есть свои пределы возможностей.

Помню, как больную, с температурой тридцать семь и девять, мама всё же заставила меня пойти в школу, я просилась остаться дома, сил не было совсем. Но в этот день у нас был диктант за полугодие...

Я получила за него тройку, единственную за весь период обучения.

Мама избила меня шнуром от кипятильника так, что у меня кожа по всему телу полопалась.

Когда пришли документы на перевод одного из студентов нашего вуза, я была первая в списке, но решать кто из четверых поедет продолжать обучение в столице, должны были преподаватели. Галина Михайловна, завкафедрой, предложила мою кандидатуру из-за победы во всероссийской олимпиаде. Её поддержало, на моё удивление, большинство педагогов, и уже к вечеру на меня были готовы все бумаги.

Это я маме с отчимом сказала, что меня уговорили. Но на самом деле я знала, что буду в списках, потому как выбирали из лучших студентов нашего вуза. Галина Михайловна очень хорошо знала моих родителей. Знала, что им нужен тотальный контроль надо мной, и они ни за что меня не отпустили бы. Поэтому маме не сообщалось намеренно. А так как документы для перевода были уже готовы, у них не осталось выбора, они вынуждены были меня отпустить.

Хотя отчим и заявил, что мы заберём документы, но мама не позволила. У неё был железный аргумент: «Ну конечно, и сядет нам с тобой на шею!», но ответ Станислава — мужа мамы — что можно и продавцом пойти, слава богу, мою маму не устроил.

«Финансисты зарабатывают больше!» — был её аргумент.

Это, наверное, первый в моей жизни момент, когда я порадовалась маминой меркантильности. И именно поэтому мы сейчас хоть и спорим, но всё-таки собираем мои вещи.

Мне даже не верится, что через каких-то пару дней я буду студенткой столичного вуза.

— Отцу сейчас что прикажешь делать, вторую работу искать?

— Зачем? — хочу сказать, что можно бросить пить и тогда нам на всё будет хватать, но вовремя себя сдерживаю. — Мама, я там также буду стипендию получать. За общежитие платить не нужно, я прокормлюсь.

— О, какая молодец! Самостоятельная какая. Ну-ну! — мама начинает злиться, а это, как правило, ничем хорошим для меня не заканчивается.

— Мам, я немного войду в колею, потом обязательно найду подработку и буду вам оттуда помогать, — стараюсь говорить более мягким голосом, пытаюсь успокоить родительницу.

— Я посмотрю, как ты будешь помогать! На нас с отцом особо не рассчитывай. Сама знаешь, как у нас с деньгами.

Мама настаивала, чтобы я Станислава Борисовича папой называла, всё-таки с пяти лет растил. Да я и называла, хотя не заменил он мне отца, вот нисколечко. Просто маму расстраивать не хотела.

— Не волнуйся, я крёстному звонила вчера, он обещал, если что, помочь. Он же не последний человек в Москве.

— Да уж, конечно, держи карман шире. Он там зажрался и про старых друзей совсем забыл.

— Неправда. Он часто мне звонит, да и Наталья Викторовна тоже не забывает.

— Лучше бы финансово помогал.

— Мам, он на каждый праздник дарит мне очень хорошие подарки.

О том, что эти подарки, почти сразу, с лёгкой руки отчима, уносятся в ломбард, либо же продаются подешёвке, я стараюсь не упоминать.

Мама лишь фыркает.

— Тоже мне подарки. Да с его деньгами... — мама снова психует. — Он и квартиру мог бы нам подарить.

— Нам?

— Ну а что тут такого? Вон, Наталья выставляла фото в интернете. Мне тётя Лиля показывала, — мама стала эмоционально жестикулировать руками и кривляться, — стоит такая вся расфуфыренная, вместе с твоим драгоценным крёстным. “Мы с любимым на Бали”, — от взвизгивания в голосе мамы звенит в ушах. — А у Тольки пузень отрос — хвоста не видно!

— Маам, — возмутилась я. — Ну ты вообще!

— Что вообще? — раздраженно ответила она, швыряя одну из моих кофт в чемодан.

— Ничего, давай не будем ругаться, а то мне будет тяжело уезжать.

Мама, конечно, ещё долго бухтела себе под нос, но я старалась не обращать на это внимания.

Я, честно говоря, не очень понимаю своих родителей. Нет, безусловно, я их люблю. Даже Станислава Борисовича по-своему люблю. Но уж сильно злит, когда они начинают говорить о том, кто сколько зарабатывает, тратит и так далее. Но ещё больше меня раздражают, конечно же, разговоры о том, что наиболее состоятельные «родственники» должны нам помогать. Хотя мы вроде и не бедствуем.

Просто мои родители не совсем рационально расходуют бюджет. И даже то, что я иногда подрабатываю, и стипендия у меня есть. Деньги все родителям отдаю, им всё равно мало.

Как-то решила родителям помочь научиться правильно распределять бюджет на месяц. По моим расчётам нам вдоволь хватало бы на еду, на кое-что из одежды и даже можно было немного отложить. Но за свою инициативу я была награждена увесистой пощёчиной от матери и высказыванием отца, о том, что “Сопля зелёная, ещё будешь учить их распоряжаться деньгами!» Да ещё и на весенний бал меня непустили, к которому я чуть ли не месяц готовилась.

Отчим отвёз меня на вокзал и помог занести вещи в купе. У мамы разболелась голова, поэтому она осталась дома.

Отец сказал, чтобы я позвонила по приезду и, не дожидаясь отправки поезда, поспешил домой.

2 ГЛАВА

В Москву я прибыла ранним утром.

Меня встречала секретарь моего нового вуза.

Наталья, жена моего крёстного, предлагала встретить меня на вокзале, но я отказалась, ведь секретарь мне сразу всё объяснит и покажет.

Я вышла на перрон и, увидев женщину с табличкой, на которой было написано моё имя, улыбаясь во весь рот, направилась к весьма энергичной женщине в годах.

— О, бог ты мой! — не очень приятненько меня поприветствовали. Улыбка моментально слетела с моих губ, и я стухлась.

— Доброе утро, — попыталась снова выдавить улыбку. — Я Есения, — немного потупившись под пристальным взглядом Ксении Леонидовны. «Так должно было её звать». — Милохина.

— Ну, здравствуй, Есения Милохина, — женщина приспустила очки на кончик носа и, осмотрев меня ещё раз, добавила, — ты куда приехала, милая?

— Простите? — непонимающе смотрю на секретаря.

— В документах не указано, что ты из малообеспеченной семьи.

Мне становится очень неловко, я понимаю, что сейчас женщина оценивает мой внешний вид. Дутая немодная куртка жёлтого цвета, старенькая шерстяная юбка чуть ниже колен и уже неплохо стоптанные, местами облезшие ботинки.

— Нет, у меня обычная работающая семья, со средним достатком.

Глубоко вздохнув и сделав, судя по лицу, свои выводы, она молчаливым жестом попросила следовать за ней.

Мы выехали на оживленную дорогу одной из широких улиц. Ксения Леонидовна была за рулём небольшой красенькой

тойоты и, вклинившись в нескончаемый поток автомобилей, мы медленно двигались в сторону моего общежития. Я очень долго привыкала к пробкам в нашем городе, когда три года назад мы переехали туда из области.

Но здесь!

Это просто невероятно. Как можно, что-то успеть сделать, если большая часть времени уходит на дорогу.

Словно поняв, о чём я думаю, Ксения Леонидовна улыбнулась и, повернув ко мне голову, заговорила.

— Я сегодня на машине, чтобы тебе показать немного город. Ты ведь впервые в Москве, не так ли?

— Да, я не была ещё здесь.

— Ну вот. Кстати, имей в виду, что автобусы и маршрутки — это тоже не вариант. Лучше всего ездить на метро.

— Хорошо, спасибо, Ксения Леонидовна, я учту.

— Есения, я вижу, ты девушка простая, ты не обидишься, если я дам тебе небольшой совет?

— Нет, — и более уверенно добавила. — Я даже буду благодарна.

Я уже поняла, что совет будет по поводу моего внешнего вида. Да и действительно одета я не очень хорошо. Тем более для столицы.

— Не одевайся подобным образом в университет. Ты станешь жертвой в своей группе, уж поверь мне на слово, в ней ещё те стервятники обучаются.

— Но у меня нет другой куртки, — опускаю голову вниз. Разговор мне неприятен, но я понимаю, что прислушаться определенно стоит.

Вижу, что и со мной женщине не совсем комфортно. Она пытается подобрать слова, возможно для того, чтобы не обидеть меня.

— А что-то строгое у тебя есть? Или может что-то из классики?

Неловкая ситуация! Кому какое дело до того, как я одета. В моём городе тоже поначалу смеялись надо мной, но прошло не так уж много времени, как им это надоело, смешков и кол-

костей в мой адрес, стало в разы меньше и даже появились подруги.

— Да, конечно! — отвечаю коротко и очень хочу, чтобы дальнейший разговор на данную тему прекратился.

— Тогда отлично.

— А сменная обувь? — не унимается женщина. — В гардеробе у тебя будет своя кабинка, куртку и эти, кто там они у тебя? — снова глубоко вздыхает. — Ну, безобразие на ногах твоих. Будешь оставлять там.

— Я поняла, спасибо.

Мне было до безумия неловко, я покраснела до корней волос. С собой у меня ещё есть балетки, и они, слава богу, относительно новые.

Не буду же я объяснять постороннему человеку, что мои родители считают — одеваться нужно скромнее! А скромнее, это как раз таки, бесформенные мешки и растянутые кофты, максимально скрывающие всё. Мама считает, что оголяют своё тело только распутные девушки. Хотя я её мнение не разделяю!

Некоторые мои подружки одеваются очень даже нескромно: мини-юбки и топы с глубоким декольте; но при этом я не могу назвать их слишком распушенными, лишнего они всё же себе не позволяют.

До моего нового места жительства мы добрались через добрых два с половиной часа. Ксения Леонидовна передала меня в руки зав. общежитием, попрощалась и скоренько удалилась.

Достаточно строгая женщина, лет сорока пяти, провела для меня небольшую экскурсию. Всё объяснила и показала.

Моя комната была на втором этаже. Небольшая, но очень уютная комната на двух человек. В бежево-персиковых тонах. Одна из кроватей аккуратно застелена, а значит тут кто-то уже проживает. Я разложила свои вещи в угловой шкафчик и застелила постель.

В комнате находилась маленькая импровизированная кухня. В углу стоял низкий стол, чайник, у двери — небольшой холодильник, микроволновая печь.

Не рискнув пользоваться чужим инвентарём, я направилась в общую кухню, где вскипятила себе чайник, достала из сумки оставшийся у меня паштет и хлеб, принялась за завтрак.

Прибрав за собой, решила посмотреть, в чём мне пойти завтра на учёбу, но ещё на стадии разбора сумок я поняла, что мама убрала оттуда мою юбку-карандаш и блузу с открытым горлом, которую подарила мне Наталья.

Эта блузка мне очень нравилась, а мама считала её излишне облегающей и откровенной. Изрядно поломав голову, я остановила свой выбор на классических строгих брюках и просторной клетчатой рубашке. При маме я всегда застёгивала её на все пуговицы, поэтому она казалась строгой.

Девочки же в универе мне показали, каким образом её можно носить, чтобы не казаться пресноватой серой мышью.

Кстати, смешки в мой адрес, как раз таки поутихли после того, как я начала экспериментировать с остальной одеждой, которая у меня имелась.

Таким образом у меня появился собственный, немного неформальный стиль. Огорчало лишь то, что не со всякой своей одеждой удавалось, что-нибудь придумать.

Я достала свой старенький смартфон и вошла в группу WhatsApp, куда меня уже добавила администратор нашей группы по просьбе Ксении Леонидовны. Просмотрела расписание на завтрашний день, ответила Иринке на сообщения, пообещала ей позвонить и всё рассказать после занятий первого дня в новом вузе.

Решила, в магазин не пойду, обойдусь китайской лапшой на обед и ужин. Позвонила родителям и уселась за свои любимые книги.

Моя соседка приехала ближе к вечеру, когда я уже готовилась ко сну.

— Ух, ничё себе! Смотрю, моя лафа закончилась? — с порога начала худенькая, я бы даже сказала, излишне худенькая девушка, с фиолетовыми волосами и серьгой в носу.